

Сергей Терентьевич Семенов

Алексей заводчик

Сергей Терентьевич Семенов

Алексей заводчик

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22136736
Алексей заводчик: 1898

Аннотация

«...Первый раз я увидел Алексея лет шесть тому назад. Выйдя осенним вечером на улицу деревни, я заметил у двора сапожника Вавилы толпу народа. Кое-кто из мужиков, бабы и ребятишки собрались у избы сапожника, и между ними то и дело слышались взрывы веселого смеха. Меня затронуло любопытство, и я направился к этой толпе...»

Сергей Терентьевич Семенов Алексей заводчик

I

Первый раз я увидел Алексея лет шесть тому назад.

Выйдя осенним вечером на улицу деревни, я заметил у двора сапожника Вавилы толпу народа. Кое-кто из мужиков, бабы и ребятишки собрались у избы сапожника, и между ними то и дело слышались взрывы веселого смеха. Меня затронуло любопытство, и я направился к этой толпе. На вопрос мой, что тут делается – мне объяснили:

– Вавила себе работника привел, такой ухарь – отойди-пусти! Послушай-ка, что он говорит.

Вавила и новый работник его сидели на завалинке избы. Вавила был так пьян, что еле голову на плечах держал, но работник был трезв. Это был молодой еще парень, лет 19-ти на вид, худой, с грязным цветом лица и одетый в какие-то лохмотья не-деревенского происхождения. Он держал себя довольно бодро, говорил развязно, хотя при внимательном взгляде на него и можно было заметить, что эта развязность как будто неискренняя, напускная. Когда я подошел туда, он

свертывал себе из газетной бумаги папироску.

– Где он такого отыскал? – спросил я.

– Должно быть, чорт нанес, – крикнула на мой вопрос жена Вавилы, худая, забитая нуждой и заботой, женщина, стоявшая тут же и видимо крайне недовольная тем, что муж привел к себе такого работника. – Яковлевский бобыль, – добавила она. – Из Москвы по этапу пришел. Пропился там, вот и пригнали сюда выхаживаться.

– Молчи! Тебе говорят – молчи! – бурчал, топая ногой на жену, Вавила.

– Была неволя молчать! – не унималась баба. – Тебе-то все равно, а мне-то, небось, достанется: может быть, он и работать-то ничего не умеет, а я гоношись тут, стряпай на вас да обшивай, обмывай вас, – какая сласть подумаешь!

– Ну, это ты, тетка, зря городишь, – проговорил вдруг работник. – Как это так я работать не умею! Да ты таких мастеров-то сроду не видала. Мы от скуки – на все руки: сапоги точать, головой качать, – мы все можем, – и вдруг умышленно упирая на букву о, работник добавил скороговоркой: – и избу срубим, и печку складем, трубу выведем, – только дым-то хоть мешком выноси!

В толпе захохотали.

– Ай-да мастер! Эти уж смастерят, что надо. И где он только обучался?

– Дома; знамо, в люди не отдавали, сам до всего дошел, – серьезным тоном ответил парень.

– А где у тебя дом-то?

– В Москве... Просто дворец, а не дом: три кола вбито, небом покрыто, светом огорожено, да со всех сторон землей обложено.

В толпе опять раздался смех; потом послышался новый вопрос:

– Что ж ты, так там жил, али делом каким занимался?

– Делом занимался: завод вел.

– Какой же завод?

– Перегонный: перегонял водку из бутылки в глотку, – дела хорошо шли.

При этих словах некоторые бабы завизжали от хохота; засмеялась даже сердитая жена сапожника и, плюнув, проговорила:

– Вот он какой нагрешник, и жди от него путного!

И сказавши это, баба повернулась и скрылась на крыльце.

– Что же это ты в такой жизни и не ужился, ведь вона там как хорошо?

– Такая линия подошла: оплошал – прохворал, Бог обидел – пропился! – ответил работник, и этим вызвал новый взрыв хохота.

II

С другого же дня парень стал сапожничать у Вавилы. Работать он умел и работал усердно. Гулял он только в празд-

ники, и очень скромно: выйдет на улицу, подойдет к молодежи или мальчишек вокруг себя соберет, споет им какую-нибудь песню, расскажет что. На рассказы он был мастер. Он знал немало сказок, историей, случаев из московской жизни, иногда правдивых, иногда вымышленных им; он и делился со всеми, кто только желал его слушать. За это его, нельзя сказать, чтоб полюбили, но все встречались с ним с удовольствием, особенно молодежь. Она окрестила его прозвищем «заводчик», имеющим двойной смысл: во-первых, намекало на то, что он всегда «заводил» что-нибудь интересное, то есть шутник, затейник; во-вторых, оно говорило и то, что он был, по его словам, содержателем завода, на котором перегоняли водку из бутылки в глотку; и этим прозвищем все стали звать его. Алексей на это не обижался и охотно отвечал, когда его звали только по одному прозвищу.

Однажды зимой, от нечего делать, я зашел посидеть к Вавиле. Вавила с заводчиком были заняты сапожной работою, жена Вавилы помещалась на коннике за пряжей. Все были поглощены делом, но прилежнее всех занимался им заводчик. Он очень усердно наколачивал каблук. Я не удержался, чтоб не сказать жене Вавилы:

– Ну, вот, ты тогда беспокоилась, что он работать не будет, – гляди, как старается.

– Теперь-то сама вижу, что мастер, – проговорила баба и усмехнулась.

– Небось, не подгадим! – весело воскликнул Алексей. –

Коли что умеем, сделаем за первый сорт.

– А ты еще что можешь делать-то? – спросил я.

– Водку пить, табак курить, мало ли что, – по-прежнему весело проговорил Алексей и, отшвырнув от себя законченный сапог, принялся за другой.

– А работы никакой еще не знаешь?

– Вот захотел, работы еще! Одну знаю, и то хорошо; слава Богу, что этой-то кое-как выучился.

Я заметил, что в тоне, каким были произнесены эти слова, слышалась деловитость, и решил воспользоваться этим – завести серьезный разговор. Мне хотелось узнать, как он рос, чем занимался в Москве, и, не откладывая намерения, я сейчас же закинул вопрос о том, где он родился.

– В Москве я родился, – ответил на мой вопрос Алексей, и по лицу его пробежала какая-то тень. – Старики-то мои смолоду туда перебрались, я там и родился.

– Зачем же старики-то перебрались в Москву? – спросил я снова.

– На легкую работу да вольные хлеба! Не понравилось им в деревне жить, вот они распродали все, да и отправились в Москву. Сперва-то на место приделались, в людях жили; а в людях жить – надо всякому служить. Пожили-пожили они – не понравилось им это, задумали они свое дело повести. Собрали деньжонок, переехали на Хитров; отец начал там квасом торговать, а мать фатеру сняла да жильцов пускать стала.

– И теперь они этим делом занимаются?

– Куда тут, и помину от этого не осталось.

– Отчего же, или невыгодно?

– Куда тут не выгодно! А видно не судьба Макару коров доить: ко всему нужна привычка – что торговать, что еще; а у них откуда она возьмется? Там прозевал, здесь проморгал, ну, все на шею да на шею, а тут стала полиция придирааться да допекать: чистоту спрашивает. Знамо, кто опытный-то, тому и полиция не страшна, он знает, как ладить с ней: сунет околочному на штаны – и вся недолга; а нашим-то это невдомек – ну, на них, знамо, чуть что – сейчас штраф. Штраф да штраф, они с горя-то на водочку стали налегать. Сегодня штраф, завтра торговать не пускают, послезавтра пьяные, а там какая-нибудь незакрутка, ну, дело-то в упадок да в упадок – и прогорели они; закрыли торговлю и фатеру не по силам стало держать.

– Так что же они теперь там делают? – продолжал я свои расспросы.

– Теперь живут двое в одном углу. Мать-то еще нанимается куда-нибудь на поденщину – стирать, либо полы мыть, а отец совсем опустился, только и знает – христарадничает.

– И ты все время с ними жил?

– Годов до 12-ти с ними; бегал, баловался, а когда и с ручкой пройдешь. Потом захотели они меня к делу пристроить, и отдали в трактир на том дворе, где наша фатера-то была. Приделили меня чашки перемывать. Пристроился я, было, – ничего, и к делу привык, да из-за ихнего пьянства не удерж-

жался. В вино-то они к этому времени втянулись, а взять-то уж негде стало, ну и давай из меня тянуть. Придут, это, чай пить – и сейчас к буфету, к хозяину или, там, к приказчику: «У вас наш сынок живет, давай нам полбутылки». Полбутылка за полбутылкой, – что мне за месяц приходится, они за неделю заберут. А там подошло время: нужно сапожишки справить, рубашонку, а им не на что. Ну, хозяин глядел-глядел да и говорит: «Уходи с Богом, ты для нашего места не подходишь».

– Ты и ушел?

– И ушел, – проговорил Алексей и остановился. Передохнув с минуту, он продолжал:

– Перешел я опять к ним; стали они думать да гадать, что со мной делать теперь, и порешили в сапожники отдать. Нашли такого хозяина, который на всем своем бы взял, и забалили меня на семь годов. Сперва-то меня, вместо мастерской, приделили на кухню: то за водой на бассейн беги, то в лавочку ступай, то товар заказчикам неси; управишься, придешь в мастерскую, а там, глядишь, мастера посылают, кто за табаком, кто еще за чем.

– Это уж известное дело, – вмешался в разговор Вавила, – там всегда так делается: коль на долгий срок попал, – сколько годков на побегушках пробегаешь!

– Вот и мне пришлось так бегать; года четыре мне и шила в руки не давали, – опять продолжал рассказ Алексей. –

Только на пятом году посадили меня к месту и дали дело в руки. Мастер, к которому я под начал попал, хороший такой был; другие, там, нороят с ученика-то сорвать что, а этот ничего не хотел, а показывал, что надо, как следует... Проработал я годик, другой, стало у меня выходить кое-что, начали, это, меня похваливать и мастера и хозяин. Пронюхали про это наши; сейчас приходит отец: «Будет, говорит, тебе здесь жить, пойдем на фатеру». – Зачем? спрашиваю. – «От себя, говорит, будешь работать. Я, – это отец-то говорит, – буду старую обувь покупать, а ты починишь ее, а я продам». Делать нечего было, пришлось мне покинуть хозяина.

– Ишь ведь какие облоеды? Не то что дать парню до дела дойти, а как бы только пососать его, – вмешалась в разговор жена Вавилы.

– Какого ж тут еще дела дожидаться; видишь – водкой пахнет – нечего тут ждать! – насмешливо отозвался и сам Вавила.

– Только того и нужно было, – заметил Алексей. – Если бы не глотка-то ихняя, и как бы дело пошло... Худую-то обувь дешево можно купить, особливо на Хитровом, а как починишь ее, цена-то ей другая. Чуть не втрое, бывало, выручал, да нам-то не показывал; что выручит, то и пропьет. Иной раз и так приходилось: еще, мол, купить не на что, а нам с матерью ждать нечего – просто хоть зубы на полку клади или воровать ступай.

– А что, теперь дело прошлое, – снова вмешалась баба Ва-

вилы: – небось, при этакой жизни и воровать приходилось?
– Нет, Бог миловал, – сказал Алексей: – ни разу не доводилось.
– Ну, вот, – ни разу, это ты не сказываешь.
– Что ж мне скрывать-то? Боюсь я, что ль, тебя, вот чудная-то! – необыкновенно серьезно проговорил Алексей. – Приходилось, когда в мальчиках жил: когда кусок говядины на кухне упрешь, когда калач стянешь или пятачок от сдачи утаишь. А чтобы по-настоящему воровать – Бог миловал: должно, руки толсты. – И проговоривши последние слова, Алексей вдруг рассмеялся.

– Где ж там воровать-то: там, вишь, и народ-то жил яко наг, яко благ, яко нет ничего, – заметил Вавила.

– Ну, это ты не скажи! – воскликнул Алексей и, положив работу, вдруг поднялся с места, отошел к приступке, сел на нее и стал делать папироску. Сделавши папироску и закурив ее, он опять заговорил.

Ш

– Коли захочешь чего, и там можно сделать что угодно, – сделай милость! Сам не выдумаешь – другие научат, найдутся такие.

И он затянулся папироской, выпустил клубы дыма изо рта и из носа и проговорил:

– Мне раз подходило такое дело, насилу как удержался, –

можно сказать, на волоске висел.

– Что ж это за дело? – с загоревшимися от любопытства глазами спросил Вавила и, бросив работу, повернулся всем корпусом в сторону Алексея.

– Было это как раз в ту пору, когда сапожничал я у своих. Чай-то пить в трактир ходил; ну, когда дело есть, скоро повернешься, а дела нет, сидишь, на народ глядишь; а народу всегда в этом месте волна – и всякого народу. Сижу я этак раз за столом и подмечаю – приглядывается ко мне один паренек, на вид шустрый такой, одет хорошо. Раз прихожу в трактир – он тут, другой – тут, и все на меня глаза пялит. А на третий раз сижу я это так, курю вот как сейчас, подкатывается он ко мне и говорит: «Дай-ка, брат, закурить». Я дал. Закурил он и к моему столу подсел и разговор, это, со мной затевает: «Где, говорит, живешь, что делаешь?» Я сказываю. «Плохо, должно быть, говорит, дела идут?» – Плохо. – «А не хошь, говорит, житья получше?» – Кто, говорю, себе враг и от хорошего откажется! – «Так можно, говорит, хорошее житье устроить». – Как же так? спрашиваю. – «А вот как... Пойдем-ка в уголок от людей подальше». Перешли мы за другой стол, он и шепчет мне: «Вот, говорит, какие дела: я поступаю в приказчики в магазин и буду там жить; и есть у меня еще приказчики, товарищи, тоже на местах живут: расскажем мы тебе все эти магазины, а ты ходи, говорит, по ним, покупай, что там тебе скажем. Справим, говорит, мы тебя, денег да-

дим, а ты только знай этот товар-то на фатеру относи, а мы у тебя будем его принимать да к месту приделывать».

– Что ж это такое за штука?.. – спросил Вавила и недоумевающе уставился на Алексея.

– Штука очень простая, – объяснил Алексей: – вместе с этим товаром-то они положат кусочек еще какого, да побольше, да подороже, а деньги-то возьмут только за дешевый.

– Ишь ты ведь проклятые... одумают тоже! – воскликнул Вавила и даже покраснел весь. – Однако, ловкачи!

– Вон там какие огарки водятся!.. – поддакнула ему и жена его.

– «Тебе, говорит, очень хорошо будет, живи беззаботно», – опять продолжал Алексей. – Разъело у меня губу. Неужели, думаю, век на Хитровом болтаться, дай хоть маленько на свет погляжу. – Согласен, говорю. И только я это сказал, молодец-то этот сейчас мне и водки, и пива, колбасы жареной принес. Погуляли это мы, и повел он меня к себе на фатеру. Вот, говорит, где жить будешь». Гляжу я: фатера хорошая, большая, видно – несколько их таких молодцов-то живет. «А вот, говорит, тебе будет обувь, одежда», и показывает мне сапоги новые выростковые, дипломат, пиджак с брюками – всю тройку, как следует. «Вот, говорит, перебирайся завтра, обуешься, оденешься во все это». Побежал я от него домой и ног от радости под собой не слышу. Вот, думаю, поживу! Только пришел я это домой, лег спать, и взяло меня раздумье. На что, думаю, я пускаюсь! И теперь-то я

не по-людски живу, а тогда-то какова моя жизнь будет? Всякий живет – свое дело делает, а я буду мошенством промышлять – значит, совсем от людей прочь, – и взяла меня тоска. Всю ночь я не спал. Поутру встал, приходит время на дело итти, а у меня духу не хватает. Мялся-мялся – плюнул да так и не пошел.

– Молодец! – воскликнул одобрительно Вавила. – Лучше по-миру ходить, чем таким делом заниматься.

– Знамо так, – опять поддержала мужа баба: – а то еще попадешься да улетишь, куда Макар телят не гонял.

– Об этом я не думал, – сказал Алексей и, вставши с приступка, бросил на пол и затоптал папироску, потом опять сел на прежнее место и взял в руки работу. – Небось, и там, куда Макар телят не гонял, – люди живут. А думалось мне одно, что не людская это жизнь. Когда ты работаешь по чести-совести, ты кусок хлеба спокойно ешь; знаешь, что он твой; сегодня съешь, – Бог здоровья даст – и завтра опять будет; а вот как если выпросишь или стянешь этот кусок, тогда другая статья. Тогда завсегда ты не спокоен: сегодня добыл, а завтра удастся ль? да где? да как? Нагляделся я на таких людей не мало, пока рос да жил-то на Хитровом.

– Это-то верно, про это что говорить! – согласился с Алексеем Вавила.

– А как же ты на этап попал? – спросил я Алексея.

– А так. Побился, побился у стариков-то своих, не вмочь стало, и порешил я уйтить от них. Подыскал себе место у од-

ного хозяйчика и ушел. Ну, им это не понравилось. Пришли они к хозяину, стали было под жалованье мое подбиваться, а я отозвал хозяина-то в сторону и говорю: я у тебя живу, я и получать, что следует, буду, а им не давай. Ну, хозяин-то им от ворот поворот да на улицу. Их зло и взяло. Вышли наши паспорта, они и пишут в волость: нам, дескать, паспорт высылайте, а ему не надо, – ну, и остался я без паспорта, выправил отсрочку, пожил, пока она существовала, а потом меня и держать не стали. Получил расчет, загулял с горя. Так закрутил – отойди-пусти: пропился впух и впрах. Пошел я к старикам, стал с ними ругаться, они меня бить – в часть нас взяли; ну, а в части, знамо, без виду назад не выпустят, а сейчас доброго молодчика в кутузку да на Колымажный, да сюда: да и заставили вместо московского-то деревенский хлеб есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.